ДНЕВНИК ПУТЕШЕСТВИЯ НАШЕГО ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД[1]

1830

Чита. Мы разделены были на две партии: первая должна была итти под начальством плац-майора, а вторая под личным надзором самого коменданта. Все мы разделились по юртам, т. е. по пяткам — число людей, могущее вместиться в юрте; я был в пятке с братом, Торсоном, Розеном и Громницким. На каждых двух человек назначалась подвода для поклажи скарбу; под предлогом хворости и т. п. разрешено иметь свои повозки. Мы просились во вторую партию.

Августа 7. Поутру в ненастную погоду выступила первая партия. Все остальные наши товарищи из прочих 2-х казематов были переведены к нам, в большой каземат.

9-го. *Поутру в 9-м часу выступили и мы.* Взвод солдат впереди и сзади, по бокам цепь солдат и конных казаков окружали нас. Народ толпился у ворот каземата. Все плакали, прощаясь с нами и наделяя желаниями на дорогу. Я решился итти пешком, несмотря на дождь и слякоть, которые, как казалось, в самом начале хотели испытать мою решительность. *Комендант нас обогнал. чтоб переправить через Читу, до коей 4 версты.* Я любовался проворством ловких бурят, переправлявших нас. Дождь не переставал. Холодно. Переправясь, мы пошли скоро.

Чита скрылась, мы вышли на Ингоду, оставив за собой вправе Кинонское озеро. Прекрасные виды!

Остановились в юртах при деревне Черной. Для нас назначалось 7 юрт, 8-я для офицера. Для коменданта поодаль — еще для караульных солдат. Этот трудный переход в такую погоду нас измучил — все думали только о спокойствии, я тоже, даже забыл полюбоваться природою, на которую в первый раз мог взглянуть не через железные решетки тюрьмы. Но впрочем и не на что было любоваться. Природа была угрюма. Я спал, как мертвый.

10-е. *Переход до станции Домно-Ключевской (20 верст, 13 дворов). Близ самого станка встретили нас буряты, посланные тайшею, и перевозили на лошадях через топкое место. Везде мостки, настилки. Какая заботливость, чтоб мы не промочили ножки! Это было для нас забавно.*

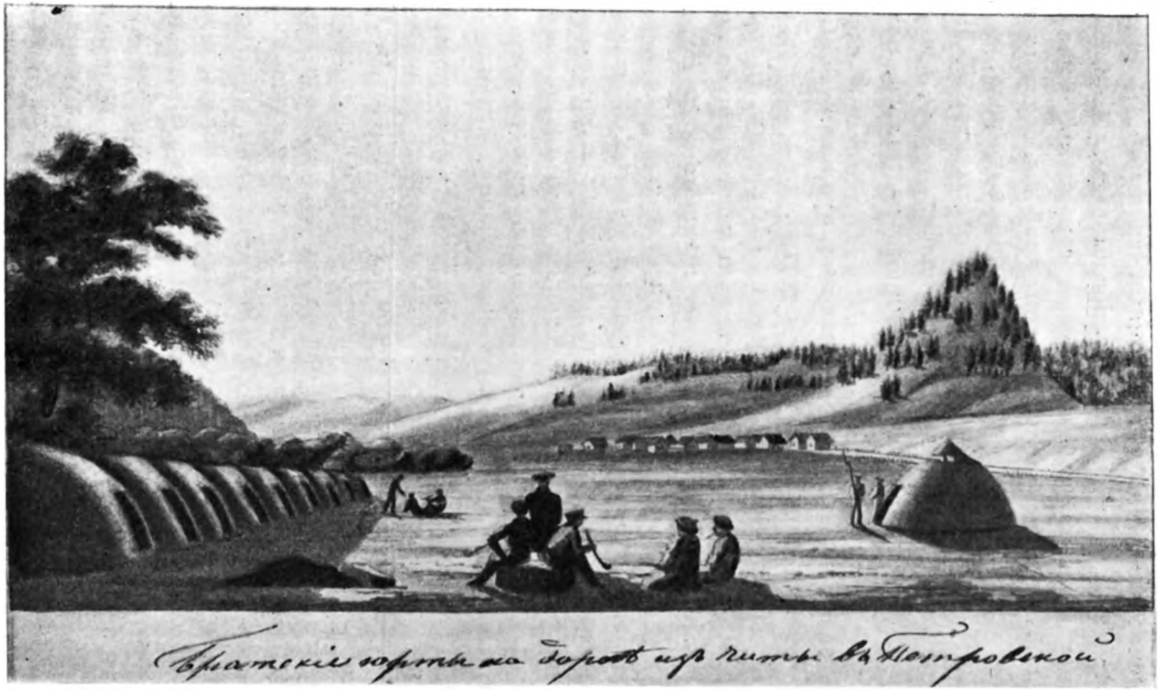
11 числа. Дневка, дождь, — скука и досада, что нельзя полюбоваться видами. Юрты наши промокают. Но мы — все люди мастеровые — мы кое-как нашли средство избавиться беспокойств на ночь. В других юртах были смешные сцены. Редкий проспал без *омовения*.

11-е. Дневка. Дождь — в юртах сыро и холодно. Добрый Смолянинов приходил прощаться с нами. Три предмета только заставляют меня жалеть о Чите: живописные окрестности, прекрасный климат и добрый Смолянинов!

12-е. *Переход до станции Ширихонской (? верст, 23 двора).* Чертовские дороги! По колено в грязи, по камням в проливной дождь мы переходили Яблоновой хребет. На самой вершине у креста мы сделали привал. Спустившись с хребта — дождь перестал. Получили газеты.

13-е. *Переход до деревни и станции Шакшинской (15½ вер., 6 юрт).* Погода переставала хмуриться. Но дороги — одна грязь. Любовался Шакшинским озером. Юрты нашли на сыром месте. Но зато вечер нам улыбнулся. Какая ночь!

14-е. Дневка. В таком походе трудно читать что-либо сурьезное. Усталость, сон и беспрестанное развлечение не слиш-



Юрты по дороге из Читы в Петровский Завод. Акварель Н. А. Бестужева (?). 1830 г.

ком хорошие союзники головоломным занятиям, и потому я взял Скриба. И в самом деле, я не мог выбрать лучшей книги в подобных обстоятельствах. Душа и сердце мое были настроены к поэзии. Прекрасные картины природы, беспрестанно сменяющие одни других, новые лица, новая природа, новые звуки языка, — тень свободы хотя для одних взоров. Ночи совершенно театральные, на ночлегах наших, — все, все увеличивало удовольствие чтения его милого цветистого, разнообразного картинами театра.

Шум и развлечение, меня окружающие, придавали большие прелести чтению. Я думал, что я в театре.

15-е. *Переход до станции Кондинской (32 версты, 15 юрт). Сильный, холодный ветер, но мы сделали переход весьма скоро с одним привалом. В левой руке у нас осталось озеро Иргень, но мы его не видели. Легли спать при дожде.*

16-е. Дневка. Что за добрый народ эти буряты. Я большую часть времени провожу с ними в расспросах и разговорах. Некоторые говорят хорошо по-русски, с другими я кое-как объясняюсь помощью составленного мною словаря. Это их удивляет. Они мне рассказывают свои сказки, две или три я списал при помощи переводчика, но потерял — жалко. Там было много оригинального китайского остроумия — монгольских сказок почти совсем нет. Песни их ужасно глупы. Как мы забавлялись их удивлению, с которым они смотрели на нас! Им так много натолковали про нас их заседатели, исправники и тайши (которые, в свою очередь, тоже бог знает какое имели о нас понятие), такие строгие отдавали приказания, что бедные эти мартышки в человеческом образе воображали нас с хвостами и крыльями подобно драконам (это их собственные слова) и каждую минуту думали, что мы улетим в хахир-хай. Как забавно было видеть их изумление, не видя в нас ни змей, ни чертей, а веселых и добрых малых, которые их кормили и поили до отвалу, смеялись с ними, шутили и даже говорили по-ихнему. Бедные! [1] Приди мы неделею позже, и может быть половина из них перемерла бы с голоду.

Боясь опоздать, местное начальство распорядилось юртами почти за целый месяц, и эти несчастные за 200 и 400 верст были высланы без куска хлеба, и из страху, чтоб они не разбежались, их не пускали шагу от юрт. O tempores!.. [так!].[1]

17-е. *До станции Вершиноудинской (32 версты, 15 юрт).* Выступили в 7 часов: дорога трудная, грязная, но, несмотря на все это, шли скоро и в 3 часа были уже на месте. С половины дороги пошел дождь — я измок и прозяб. В юртах в первый раз разложили огни. Мы тотчас устроили из дерна особливую печку для того, чтобы дым, не расходясь по юрте, выносило в хахирхай (круглая дыра сверху юрты). У нас все было славно устроено. Дорожный погребец, где было помещено все нужное, складной стол, такие же стулья, койки и прочие вещи в минуту были собраны, и мы располагались в юрте, как нельзя покойнее.

Наш хозяин Розен кормил нас не роскошно, но славно. С ним мы только на дневках проводили около суток, в прочие дни он, раздавши обед, тот же час отправлялся вперед для того, чтоб на другой день, к прибытию нашему в юрты, приготовить обед.

18-е. *Газеты. Известие о смерти англинского короля и о севастопольском бунте.*[2]

Очаровательный вечер! Ясное небо! Звезды горят ярко — кругом мрак. Окрест нашего стана пылают костры, около которых собираются разнообразные группы. В ярком пламени рисуются различные фигуры в различных положениях... Близкие деревья освещены подобно театральным декорациям; смешанный говор, ряд освещенных юрт, где вы видите одушевленные картины, и каждая из них носит на себе особой отпечаток; бальзамический воздух — все, все очаровательно! Очаровательно даже и не для узника, которому после тюрьмы и затворов, без сомнения, прелестен божий мир.

Восхождение Марса. Кюхельбекер принимает его за Венеру. Смех. Шутки. Он потерялся и в замешательстве чуть не сожег юрты.

19-е. *Переход до зимовья Домнинского (21 верста, 8 юрт). День прекрасный; дорога хороша; в час пополудни мы уже были на месте. Что за ночь!* Право бы не ложился спать. Но что делать — я не ангел, хочется и покушать, и поспать. Пойду перед сном Dans la variété,* посмотрю на шутливого Скриба. Спокойной ночи вам, звезды, луна и все красоты дикой природы.

20-е. *Переход до станции Яравинской (10 верст, 15 юрт). Прекрасное утро, шли скоро; перешед березовую гриву, спустились к станции.*[1] *Вправе видели озеро Яравинское.* Отселе виды открываются на несколько верст в степи, где разнообразно разбросаны бурятские пастбища и сенокосы. По-вечеру на большой дороге.

Августа 21. *Переход в село Укир (16 верст, 20 дворов). День прохладный. Шли по берегу большого Яравинского озера. Прошед 10 верст, сделали привал. Собирали на берегу сердолики. Не доходя до села прошли небольшой березовый лес, и, вышедши из него, открылось круглое небольшое Укирское озеро, при котором и село с каменною, но бедною церковью.*

Вскоре Дружинин отправился на поселение; были в черной бане.

22-е. *Дневка.* Погода прекрасная. *От Розена узнали, что Марья Казимировна на следующей станции.*

23-е. *Переход до деревни Погромской (19 верст, 12 дворов). День ясный. Итти даже было жарко.* Открытые виды.

После обеда пошел дождь с градом, но не надолго. *Ночью возобновился и не дал спать.* Меня всего промочило.

В трех верстах от деревни минеральные ключи; виден дом, от казны там устроенный; *узнали о приезде Анны Васильевны Розен.*

24-е. *Переход до деревни Тайлуцкой или Поперечной (29 верст, 10 дворов). Прекрасный день! Вышли на Хоринскую степь.* Какие виды! *Вправе кумирни.* Прошли мимо полураз-

---

* В театр Варьете.

валившегося памятника несчастной Агнесы Фед. Трескиной.

Здесь ее расшибли до смерти дикие бурятские лошади. *Место так ровно и дорога так хороша,* что непонятно, как могло это случиться.

25-е. Дневка.

26-е. *Переход до деревни Грядецкой (22 версты, 10 дворов). Прекрасные, открытые виды; по сторонам бурятские стойбища.* Стада, сенокосы; *заметны избы на русскую стать.*

27-е. *Переход до деревни Онинской бор (26 верст, 14 дворов).* Погода холодная. Ветер. Пошли в 8 часов и в 3 часа были уже на месте. *Прекрасные виды. До привала с нами ехала мать Тайши с своим сыном.*

Часу в пятом услышали колокольчик: я, как бы предчувствуя, разбудил Розена, и едва мы вышли из юрты, кибитка остановилась, и жена Розена уже лежала у него на руках. Трогательная картина.

Неожиданно явился Смолянинов. Он едет до Курбы, где открыт богатый прииск медной руды.

28-е. Дневка. Смотрели шамана. Он стар и не в большой моде, а потому фарсы его были довольно глупы. Тайша явно над ним смеялся, чтоб показать пред нами образ своих мыслей. Нынче ламы шаманство преследуют, и потому трудно увидеть искусного фигляра.

29-е. *Переход на станцию Онинскую (12 верст, 15 юрт).* День чудо. *Пройдя бор, увидели обширную долину и вправе гранитную гору. Тут станция.*

30-е. *Переход до станции Кульской ($18^1/_2$ верст, 10 юрт). При выступлении из Онинской станции переправлялись через реку Ону под наблюдением самого коменданта, который, между прочим, рассказывал брату, что в девяностых годах он точно так же вел и переправлял конфедератов. Это нас позабавило дорогой.* Пришли рано в свое кочевьё, читали газеты. *Бурмон маршалом Франции.* Булгарин при описании Петергофского праздника — тот же Булгарин.

Против станции за р. Удой видно под горою село Кули, где погребена Трескина.

31-е. Дневка. Были в бане у живущего здесь купца Лосева, *которого сын нам поставлял дорогою мясо.* Комендант уехал вперед на Курбинской перевоз.

1 сентября. *Переход до станции Тарбагатайской (29 верст, 10 юрт).* Славные виды.

2-е. *Переход до станции Тыншри-Балдатской (23 версты, 15 юрт).* Погода постоянно хорошая. *За 7 верст до станции прошли известную гору, где видны признаки алебастра и мрамора. Шли большею частью близ самой Уды. Станция на берегу.*

3-е. Дневка. Тихий и прелестный вечер.

4-е. *Переход до станции Курбинской (24 версты, 15 юрт). Разнообразие видов. Два раза переходили через сосновые боры. Влеве Уда картинно разливается. Несколько озер. Тайша охотился во время нашего привала. Встретили шотландского библейского миссионера и Нерчинского начальника. В 3 часа пришли на место.* Ночью гроза. Гром, дождь.

5-е. *Переход до Онинской станции (30 верст, 15 юрт).* Переправа через Курбу. Самый тяжелый, утомительный переход. *По столбам оказалось 34 версты, и* хотя шли скоро и прямою дорогою, но не могли притти раньше 6-го часа, сделав против обыкновения два привала.

6-е. *Дневка.* Сильный ветер. Многие юрты совсем снесло ночью.

7-е. *Переход до креста, или до Шевелевой заимки (25 верст, 8 юрт), в 5 верстах от города Удинска. Сильный, противный ветр. Временно накрапывал дождик. Шли скоро и, вместо 25 предполагаемых верст, по столбам прошли 29 с одним привалом и в 6 часов.* Из города приезжали *городские дамы* зевать на нас.

Прочли нам словесное приказание коменданта: как итти завтра через город. Солдатам приказано с нами не разговаривать и показывать с в и р е п ы й в и д. Мы хохотали напе-

ред, забавляясь о невозможности исполнения этих умных распоряжений.

8-е. *Переход через Верхнеудинск до деревни Саентуевской (17 верст, 16 дворов).*[1] Рано конвой наш поднялся в парад; перед входом в город нас встретила градская полиция. Народ кучами толпился по возвышениям; на лицах одно глупое любопытство. В доме налево с мосту через Уду стоял Удинский beau monde.* *Только что вышли из города, узнали, что Груша Трубецких приказала долго жить. Худое или доброе предзнаменование?*

9-е. Холодная погода. Ночью ветр.

10-е. *Переход до Семейского зимовья. По дороге в Тарбагатай (17 верст, 17 дворов) проходили вновь выстроенную мельницу купца Пинского* [?]. Комендант позволил брату осмотреть ее, чтоб дать хозяину этой мельницы совет, как пособить горю и удержать плотиною воду. Русачек задним умом крепок. Не спросяся броду, сунулся в воду и, издержав тысячи на постройку, тогда только хватился, что лучше ему бы поучиться прежде, а потом приниматься за дело: мельница — хоть ломай. Не в дальнем расстоянии от мельницы прошли мимо пчельника купца Шевелева, который их сюда перенес с речки Березовки. *Это еще первый опыт в Иркутской губернии.*

Часу в 3-м пришли в деревню Пестереву, где семейские радушно нас встретили. В первый раз мы остановились на квартирах и у старожилов. Здесь мы встретили Заиграева, с которым виделись в проезд наш в Читу.

11-е. *Переход до села Тарбагатайского (15 верст, 120 дворов).* По случаю приезда фельдъегеря позволение ходить с квартиры на квартиры отменено. Он привез позволение М‹арии› Николаевне ехать вместе с мужем. *Ходили в баню.*

12-е. Дневка. Виделся с Н. Н. Чебуниным. Скучно — почти весь день читал Делольма.

---

* Высший свет (светское общество).

13-е. *Переход до селения Десятникова (10 верст, 70 дворов). Рано выступили и скоро перешли.* Из боковых деревень весь люд семейский, разодетый в пух, выезжал на дорогу поглазеть на нас. Квартира досталась прекрасная. Хозяин-старик — завзятый старовер. Я долго толковал с ним о их вере, или, попросту, смешном заблуждении, и из всего разговору понял, что главным основанием их раскола и тому, что он еще держится, есть жалкое невежество и упрямство стариков. Молодые уже смеются под рукою на все эти глупости. Между прочим, он мне сделал вопрос: не из духовного ли я звания?

Вот образчик их образа мыслей на счет веры. Как будто бы каждому христианину вовсе не нужно знать, почему он христианин, а не бурят.

Сент. 14. *Переход до селения Барского (15 верст, 50 дворов).* После скорого перехода устали и для отдыха получили тесную, дурную квартиру. Тараканов бездна. Всю ночь не спал. Тараканы сыпались, как дождь, и один заполз в ухо — ужасно неприятно.

15-е. Дневка. Скука. Ночью на 16-е выпал снег, выступили по дороге к Мухор-Шибиру, мы остановились на степи в местечке Тугнуй (22 версты, 15 юрт). У нас комарником был Далай. Славный, смышленый малый, хорошо говорит по-русски и того лучше понимает вещи. Я ему на память подарил гребенку, он ее привесил на шею вместе со своими амулетами. Какие славные люди есть между бурятами! Добродушие и кротость есть отличительная черта их характера. Я не могу забыть двух маленьких, миленьких бурятченков, поводчиков наших, которые так нас полюбили, что из охоты несколько дней сряду ехали с нами. Одного звали Бубни, другого Патлав.

17-е. Переход до села Мухор-Шибир (*13 верст, 150 дворов).* Тут нам была самая блистательная встреча. Весь живой люд толпился к нам, и мы, почти смешавшись с толпою, вошли в деревню.

18-е. *Переход в Хара-Шибир (12 верст, 80 дворов)*. Деревня раскидана по неровностям; предки их — польские переселенцы, но в потомках ничего польского не осталось.

19-е. Дневка. Известие о французской революции.

20-е. *Перешли в село Хонхолой (17½ верст, 120 дворов)*.

21-е. Переход в Х а р а у з *(20 верст, 50 дворов). Фон-Визин сообщил подробности абдикации Карла X.* Это всех оживило. Разговоры, суждения.[1] *Народ провожал нас из селения*, а в селе Николаевском, 7 верст не доходя до Харауза, народ тоже встретил нас. Вся улица была набита, нас проводили за село. Буряты целыми [не разобр.] выезжали на дорогу.

22-е. *Дневка. К. И. Трубецкая и Лиз. Петр. Нарышкина приехали из Петровского встретить мужей.*

23-е. *Последний переход до Петровского Завода (28 верст. Всего от Читы 634½)*. Дорога вела в междугорие и теснины. Все как бы предвещало приближение к нашему кладбищу, где уже выкопаны для нас могилы, но все шли весело. Версты за полторы открылся мрачный Петровский завод, отличающийся огромностью и своею крытою крышкою от прочих зданий. Остановились, чтоб дать солдатам надеть ранцы. Мы с пригорка смотрели на нашу будущую обитель — и шутили!!..

При вступлении в завод высыпало множество народу. У дома А‹лександры› Григорьевны все наши дамы стояли у ворот.

С веселым духом вошли мы в стены нашей Бастилии, бросились в объятия товарищей, с коими 48 дней были в разлуке,* и побежали смотреть наши тюрьмы. Я вошел в свой номер. Тёмно, сыро, душно. Совершенный гроб!

* Мы шли 46 дней, сделали 31 поход, дневок было 15.